

КРИТИЧЕСКИЕ СТАТЬИ И ОБЗОРЫ

НОВЫЕ ИЗДАНИЯ ПО УКРАИНСКОМУ И БЕЛОРУССКОМУ СВАДЕБНОМУ ОБРЯДУ И ФОЛЬКЛОРУ

Собирание и изучение материалов по свадебному обряду и фольклору в СССР за последние два десятилетия значительно интенсифицировалось. Появились монографические исследования свадебного обряда отдельных народов или регионов¹. Довольно обширен круг работ, посвященных сравнительному изучению свадебного обряда и фольклора как восточнославянских, так и соседних с ними народов (например, русская и карельская, русская и башкирская, русская и мордовская свадьбы). Особое внимание исследователи обращали на принципы классификации свадебных песен, причитаний, приговоров, дружек, характерные черты их поэтического строя (композиция, стиль, символика), а также на историко-генетические вопросы: отражение в свадебном обряде древнейших мифологических представлений и форм социальной жизни, взаимодействие свадебных песен с другими песенными циклами (календарно-земледельческие, хороводные). В ряде работ была поставлена проблема регионального изучения свадьбы и ее картографирования. Результаты этих наблюдений опубликованы на страницах специальных научных сборников по фольклору и этнографии², а также в межвузовских изданиях³ и в специальном сборнике «Русский народный свадебный обряд»⁴.

Появились также издания свадебного фольклора отдельных народов, местностей⁵ и различных его жанров⁶. Особого внимания заслуживают монументальные издания последних лет, посвященные украинской и белорусской свадьбе⁷, включенные соответственно в состав украинского и белорусского фольклорных сводов, о которых уже говорилось в «Советской этнографии»⁸. Цель изданий — представить вниманию читателей максимально полные сведения о свадебном обряде украинцев и белорусов, а также о сопровождавшем его песенном фольклоре. Составители поставили перед собой весьма нелегкую задачу: показать материал в его историческом развитии и жанровом разнообразии с учетом регионального своеобразия. Попутно им предстояло также ознакомить читателей с историей собирания и публикации материалов. Следует сказать, что составители хорошо справились с поставленными задачами. Этому способствовал прежде всего тщательный отбор описаний свадьбы. Обряды показаны на основании не сводного описания, а многочисленных вариантов из различных регионов Украины и Белоруссии. В то-

¹ *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность. Л.: Наука, 1977; *Зорин Н. В.* Русская свадьба в Среднем Поволжье. Казань, 1981.

² Фольклор и этнография. Л.: Наука, 1974, 1977, 1984; Русский фольклор, XVI, XVII. Л.: Наука, 1976, 1977; Русский Север. Л.: Наука, 1981; Проблемы картографирования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1974; Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л.: Наука, 1977.

³ Фольклор народов РСФСР. Межвузовский научный сборник. В. I—XI. Уфа, 1974—1984.

⁴ Русский народный свадебный обряд (исследования и материалы). Л.: Наука, 1978.

⁵ Эрзянская свадебная поэзия/Сост. *Борисов А. Г.* Саранск, 1972; Мокшанская свадебная поэзия/Сост. *Самородов К. Т.* Саранск, 1975; *Балашов Д. М., Красовская Ю. Е.* Русские свадебные песни Терского берега Белого моря. Л.: Музыка, 1969; *Банин А. А., Вадакар А. П., Жекулина В. И.* Свадебные песни Новгородской области. Л.: Музыка, 1974; Русская свадьба Карельского Поморья. Петрозаводск: Карелия, 1980.

⁶ Карельские причитания/Изд. подгот. *Степанова А. С., Коски Т. А.* Петрозаводск: Карелия, 1976; *Круглов Ю. Г.* Русские обрядовые песни. М.: Высшая школа, 1982.

⁷ Весілля у двох книгах. Кн. 1 и 2. Київ: Наук. думка, 1970; Весільні пісні у двох книгах. Кн. 1 и 2. Київ: Наук. думка, 1982; Вяселле: Абрад. Мінск: Навука і тэхніка, 1978; Вяселле. Песні у шасці книгах. Кн. 1—3. Мінск: Навука і тэхніка, 1980—1983.

⁸ См.: *Гусев В. Е.* Многотомное издание белорусского фольклора.— Сов. этнография, 1979, № 1; *Плисецкий М. М.* О своде украинского народного творчества.— Там же, 1985, № 2.

мах «Весілля у двох книгах» и «Вяселле. Абрад» они расположены в хронологической последовательности — от первых, кратких, сведений, относящихся к XVI—XVII в., до последних записей XX в. В первой книге приводятся описания украинской свадьбы, сделанные в XVII в. (Г. Л. Боплан — 1650 г.), XVIII в. (Г. Калиновский — 1777 г.), начале XIX в., во второй половине XIX — начале XX в. (П. П. Чубинский, И. Демченко); есть записи композиторов (В. М. Верховинец, Р. А. Скалецкий), писателя, лингвиста и историка Б. Д. Гринченко и др. советских учителей и фольклористов. Том, посвященный белорусской свадьбе, открывается переводом с латинского языка сочинения польского историка Яна Ласицкого «De Russorum Moskovitarum et Tartarorum religione, sacrificiis, nuptiarum, funerum ritu...» (Древнейшая запись обряда, белорусской свадьбы 1581 г.). За ним следуют материалы, извлеченные из периодики XIX в. и из трудов крупнейших белорусских и польских этнографов и фольклористов: М. Федоровского (хранится в рукописном отделе библиотеки Варшавского университета), А. Н. Шимановского (из архива Русского географического общества в Ленинграде), М. В. Довнара-Запольского, С. И. Карского, Е. Р. Романова, П. В. Шейна и советских фольклористов: А. С. Федосика, К. А. Цвирки и др.

Таким образом, составители выявили огромный, в значительной мере не известный или мало известный ранее материал, который систематизирован ими по хронологическому принципу.

В украинском «Весілля» материал систематизирован по зонам. В первой книге — записи второй половины XIX — начала XX в. из центральных областей Украины, Киевщины, Полтавщины, Подолья, Полесья (Черниговщина), Слобожанщины (Харьковщина) и Степной Украины (Екатеринославщина). Во второй — обряды Волини, Галичины, Буковины, Закарпатья. Описаниям обрядов в обоих изданиях предпосланы вступительные статьи (К. А. Цвирка — «Белорусские традиційне вяселле», с. 5—34, и О. А. Правдюк — «Народне весілля на Україні», с. 9—59), в которых освещается история публикации материалов и кратко описывается общий ход свадьбы. В комментариях охарактеризованы источники каждого описания и приведены сведения о собирателях.

Таким образом, опубликованные описания украинских (22 текста) и белорусских (34 текста) свадебных обрядов, отражающие в основном традицию XIX—XX вв., могут служить прочной основой для изучения обширного круга проблем. Они позволяют судить об отражении в украинской и белорусской свадьбе древнейших и более поздних верований и социальных представлений, об изменении общественного и семейно-бытового уклада, об эволюции нравственно-этических и эстетических представлений и идеалов.

Описания позволяют сопоставить украинскую и белорусскую свадьбы и дать их сравнительную типологию. Сходство отчетливо проявляется в функциях и последовательности отдельных актов, отразивших драматическую коллизию обрядового действия в целом, в терминологии, в обозначении отдельных актов. На основании последовательного изучения обрядов, записанных на протяжении двух веков, выясняются закономерности эволюции свадьбы за этот период. Опубликованные украинские и белорусские материалы наряду с привлечением других источников позволят в дальнейшем изучить типологические особенности восточнославянской свадьбы и свадьбы славянских народов вообще.

Они могут послужить основой для исследований специфики обрядов отдельных регионов Восточной и Западной Украины и Белоруссии. Разумеется, для этого должны быть привлечены дополнительные материалы из архивных и других источников.

Большим достижением современной украинской и белорусской фольклористики является издание свадебного песенного фольклора. Как и двухтомное издание обрядового материала, «Весілля у двох книгах» представляют песни украинской свадьбы по регионам. В первой книге (с. 73—731) опубликованы песни Полесья, Надднепрянщины, Слобожанщины, Степной Украины; во второй — Волини, Подолья, Буковины, Прикарпатья и Закарпатья. В трех опубликованных томах издания «Вяселле. Песні у шасці кнігах» представлены разные районы Белоруссии без распределения их по томам. Записи свадебных напевов в украинском издании, подготовленные А. И. Иваничком, сопутствуют словесным текстам каждого тома. В белорусском издании типологические напевы тех или иных видов песен подготовленные З. Я. Мажейко, сгруппированы в конце каждого тома в качестве приложения (т. 1, с. 506—528; т. 2, с. 598—614; т. 3, с. 563—576). Первым томом обоих изданий предпосланы вступительные статьи: М. М. Шубравская — «Весілля пісенність на Україні та її обрядова функція» (с. 11—53), А. И. Иваничкий — «Музыка українського весілля» (с. 54—69) и Л. А. Малаш — «Вясельныя пісні» (с. 5—19). В них кратко охарактеризована история публикации украинских и белорусских свадебных песен. Составители рецензируемых томов проделали большую работу: просмотрели периодические издания, обследовали архивы, извлекли все наиболее ценное из крупных научных изданий XIX — начала XX в. Впервые украинский и белорусский свадебный фольклор представлен с такою полнотой: 2256 украинских песен и 2780 белорусских (в первых двух томах, в томе 3 материал не пронумерован). В белорусском издании тексты песен публикуются с вариантами, в украинском — варианты большей частью даны в комментариях. К ряду сюжетов в комментариях указаны не только украинские, но и русские и белорусские варианты. В обоих изданиях в комментариях названы источники опубликованных текстов.

Перед издателями свадебного фольклора, естественно, прежде всего встает вопрос о принципах группировки и публикации материала. Решается он в разных изданиях по-разному. Русские свадебные песни располагались по территориальному принципу («Песни, собранные П. В. Киреевским», нов. сер., т. 1. М., 1911), русский свадебный фольклор в собрании П. В. Шейна «Великорус...» (т. 1, в. 2. СПб., 1900) и украинский в IV т.

«Трудов этнографическо-статистической экспедиции...» П. П. Чубинского (СПб., 1877) располагался по его функции в обряде, а обряды — по месту записи. Таким образом, здесь территориальный принцип сочетался с функциональным, определялось место текста в обряде. В современных изданиях учитывается еще один принцип — жанровый. В исследованиях свадебного фольклора последних двух десятилетий жанровой классификации его уделяется много внимания. Все авторы, безусловно, признают существование двух типов свадебных песен: величальных описательного характера или воспроизводящих определенную сюжетную ситуацию (взаимоотношения молодых) и корильных. Исполняются они большей частью во время свадебного застолья. Во многих публикациях составители выделяют их в особые разделы в конце или в начале тома (Колпакова Н. П. Лирика русской свадьбы. Л.: Наука, 1973; Круглов Ю. Г. Русские свадебные песни. М.: Просвещение, 1978 и др.). Все остальные песни они относят к разделу «лирических», иногда располагая их по актам обряда, основываясь на сведениях, полученных от исполнителей. Однако при этом исконная функция песен в обряде оказывается неясной, в самом тексте первоначальное обрядовое содержание бывает заслонено более поздними лирическими мотивами. В репертуар свадьбы в последние десятилетия вошло особенно много песен из различных циклов крестьянской бытовой лирики.

В последние годы в исследованиях, а иногда и в публикациях восточнославянских свадебных песен стали выделяться более древние и более новые типы свадебного песенного фольклора. Поскольку еще не выработана единая терминология, исследователи, основываясь на функции текста в обряде, определяющей содержание и поэтический строй песни, выделяют песни заклинательные, комментирующие обрядовое действие или направляющие его. Принимая в общем современную жанровую классификацию свадебных песен, М. М. Шубравская и Л. А. Малаш во вступительных статьях характеризуют жанры украинских и белорусских песен (названия видов разные). В дальнейшем же, группируя тексты в томах, они основываются на специфике украинского и белорусского свадебного фольклора, тесно связанного с ходом обряда (органичность этой связи подчеркнута в статьях), и располагают тексты песен по актам, отражающим развитие драматической коллизии обряда в целом. В белорусском издании публикации текстов предшествуют довольно обширные заметки, в которых прослеживается ход и смысл каждого акта. Внутри раздела песни расположены по сюжетам, иногда приводятся по нескольким вариантам из разных регионов. В комментариях к украинскому изданию кроме источника указано место записи. В белорусских томах иногда указываются регионы большего или меньшего распространения отдельных сюжетов. Таким образом, можно судить о степени распространенности или локальной ограниченности сюжета. Составители удачно сочетают три важнейших для изучения обрядового фольклора принципа: жанровый, функциональный и территориальный. Расположение песен по обряду, сопровождаемое их жанровой характеристикой (в статьях), позволяет читателю ясно представить себе, какие сюжеты и какие типы свадебных песен соответствовали тем или иным актам обряда.

При первом знакомстве с опубликованными материалами становятся ясны как типологические черты свадебного обряда, так и некоторые общие признаки типов свадебных песен, их поэтики. Вместе с тем еще более очевидным становится своеобразие русского свадебного фольклора, в котором простейшие типы песен в чистом виде сохранились значительно хуже, чем в украинском и белорусском. Часто они выступают в осложненной форме. В украинских и белорусских песнях (это отмечается и во вступительных статьях) распространена диалогическая форма. Авторы статей справедливо связывают это с древней обрядовой дихорией, не только с информативной, но и с эмоциональной функцией хора в обряде. В русских свадебных песнях наряду с диалогом широко представлен монолог. В отличие от свадебных обрядов других восточнославянских народов, где невеста выражала свое душевное состояние «тихим плачем», к чему ее побуждали грустные песни подруг, в русской, особенно севернорусской, свадьбе развилась особая словесно-музыкальная форма — причитание.

Но несмотря на жанровое или стилистическое своеобразие, близость восточнославянского свадебного фольклора, определяемая его обрядовыми и социально-бытовыми функциями, очевидна. В некоторых случаях это проявляется в сходных сюжетах и образах. Отдельные сюжеты русских свадебных песен, исконная связь которых с обрядом оказалась утраченной, могут быть объяснены на основании сравнения их с соответствующими сюжетами песен украинских и белорусских, в которых эта связь хорошо сохранилась. Так, например, русская песня «Шло солнушко по залесью, шла Аннушка по застолью»⁹ соответствует по сюжету и образам белорусской песне «Калясом сонейка з гары ідзе ... полкам малады на насад ідзе» (т. 2, с. 35), исполнявшейся во время *пасада*. Едва ли можно согласиться с мнением М. В. Довнара-Запольского, к которому присоединяется автор вступительной заметки, о том, что *пасада* не находил себе параллелей у других славянских народов («Вяселле. Песні», кн. 2, с. 33). Опровержением этого положения является публикация украинских материалов, где *пасада* сопровождался многочисленными песнями («Весільні пісні», кн. 1, № 276—309). Рудименты этого акта сохранились и в русской свадьбе.

Очень популярна в русской свадебной лирике песня-размышление невесты о том, как называть свекра, свекровь и других родных мужа. Она построена в форме обращения к подругам. Ответ дает сама невеста: нужно убавить «спеси-гордости», называть родителей мужа «батюшкой» и «матушкой». Полную аналогию этот сюжет имеет и в украинской и в белорусской традиции («Весільні пісні», кн. 1, № 294; «Вяселле. Песні», кн. 2,

⁹ Песни, собранные П. В. Киреевским. Нов. сер., т. 1, № 829, вар. № 783.

№ 535—540, 542—549). У всех восточнославянских народов есть песни с одинаковым зачином: «Сборы, сборы» — невеста собирала подруг за стол, сама садилась выше всех — голову клонила ниже всех. Смысл зачина наиболее ясно выражен в белорусской свадьбе, где он связан с обрядом «зборнай суботы» — последний прощальный вечер невесты с подругами. В белорусской традиции этот зачин очень устойчив. Таким образом, применяя сравнительный метод, можно установить исконное место этого и других сюжетов в восточнославянском обряде. Сравнительное изучение поможет определить место многих русских свадебных песен в обряде в зависимости от древнейшей связи фольклорного текста с действием, а не на основании случайных сведений исполнителей.

Выше говорилось о жанровом своеобразии русских свадебных причитаний, не известных украинцам и белорусам. Но вместе с тем нельзя пройти и мимо такого интересного и не объясненного еще явления, как совпадение образов, мотивов и целых сюжетных ситуаций севернорусских причитаний и грустных лирических свадебных песен других восточных славян. К ним относятся сетования невесты на *заручинах*, просьбы ее не прельщаться подарками сватов, не совершать установленных актов обряда. Во время плетения венков у белорусов невеста жаловалась на мать, что «без розуму у чужия людзі пусцілі» («Вяселле. Песні», кн. 2, с. 24). Невеста просит подруг расчесать ее косу и оплакивает ее («Вяселле. Песні», кн. 2, № 1033, 1038), такое же обращение к матери в украинских песнях («Весільні пісні», кн. 1, № 107—115). В украинской песне невеста прощается с двором отца: «Ой дворе ж мій, двороньку» («Весільні пісні», кн. 1, № 272). И вновь отдельные мотивы и образы русских свадебных причетов, производящие на первый взгляд впечатление поздних лирических художественных образований, получают иное объяснение благодаря привлечению материалов украинских или белорусских. Например, в русских причитаниях, исполнявшихся в разные моменты свадьбы, невеста просила мать (отца) поливать посаженные ею цветы (сад). Этот мотив настойчиво повторяется и в свадебных песнях украинцев и белорусов. Во вступительной заметке второго тома «Вяселле. Песні» автор связывает его с обычаем белорусских девушек перед свадьбой сажать цветы: руту, мяту и другие необходимые для будущего свадебного венка растения. Так образы получают реальное объяснение. Дальнейшее сравнительное изучение двух жанров свадебного фольклора восточных славян, вероятно, поможет понять и объяснить многое в их истории и взаимовлиянии.

Издания украинского и белорусского свадебного обряда и фольклора основаны на обширном, тщательно отобранном и в значительной части впервые публикуемом материале, удачно систематизированном составителями и снабженном научными статьями и комментариями. Они не только знакомят широкий круг читателей и специалистов с восточнославянским свадебным фольклором, но и открывают важные перспективы его дальнейшего научного исследования. Оба издания могут послужить хорошим образцом для новых фольклорно-этнографических публикаций.

И. М. Колесницкая

ПРОБЛЕМА РЕГИОНАЛЬНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ ДРЕВНЕПЕРУАНСКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ В ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ

С конца 60-х годов археологические и этнографические изыскания в Перу постоянно расширялись, и — что особенно ценно — ученые в основном сконцентрировали усилия на важных теоретических проблемах. По понятным причинам, наибольший вклад внесли американские и местные перуанские исследователи. Работали в Андах и европейские специалисты, особенно французские. В 60-е годы заявила о себе и новая для археологии Перу держава — Япония. В настоящее время деятельность японских этнографов и археологов уже во многом определяет направление и характер работ в данном ареале.

В небольшом обзоре трудно даже упомянуть все новые публикации и затронутые в них вопросы. Мы будем в основном опираться на четыре коллективных труда, вышедших в конце 1981 и в 1982 г. в Японии и США, и остановимся лишь на одной проблеме — историко-культурном районировании Центральных Анд. В свете недавних открытий по-новому ставится вопрос о сравнительной роли в хозяйственной и политической истории Древнего Перу побережья и горных районов, с одной стороны, севера и юга — с другой.

В книге «Чан-Чан: Город в перуанской пустыне» (далее — ЧЧ)¹ обобщены результаты американских исследований в долине Моче (с 1969 г.) — главном культурном центре на севере Перу с конца I тыс. до н. э. и до прихода инков. Почти все 14 глав написаны разными авторами, ответственными за соответствующие разделы исследовательской программы. Одним из ее руководителей был чикагский археолог М. Мосли. Им и его коллегами собрана наиболее полная в настоящее время информация по социально-экономической организации побережья начиная со II тыс. до н. э. Книга содержит богатый сравнительный материал для историков, изучающих генезис и ранние этапы развития древнейших государств. К сожалению, из-за колоссального объема проведенных полевых работ большая часть собранных в Моче данных, по-видимому, навсегда останется неопубликованной, а в этот сборник и в предварявшие его статьи вошли лишь важнейшие факты, выводы и теоретические обобщения участников программы.

¹ Chan Chan: Andean Desert City/Eds Moseley M. E., Day K. C. School of Amer. Research Book, Univ. New Mexico, Albuquerque, 1982. XXII, 373 p., 8 pl., 57 fig.